

УДК 882.Д7.03=830

Кореневская Ольга Владимировна, преп. кафедры лингвистики и переводоведения Института международного образования и языковой коммуникации ТПУ.
E-mail: felice2004@mail.ru
Область научных интересов: художественный перевод, достоеведение, русско-немецкие литературные связи, методология исследования перевода.

**СТИХИЯ ПРАВОСЛАВНОЙ ВЕРЫ В
НЕМЕЦКИХ ПЕРЕВОДАХ РОМАНА
Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО
«БРАТЬЯ КАРАМАЗОВЫ»**

О.В. Кореневская

Томский политехнический университет
E-mail: felice2004@mail.ru

Рассмотрены проблемы перевода романа «Братья Карамазовы» на немецкий язык, обусловленные особенностями понимания Достоевским православной веры. Показана связь духовного опыта героев с душевными переживаниями и их подчиненность авторской концепции стихийной природы человека. Выявлена лексическая вариативность переводов и в то же время внимание переводчиков к способам выражения специфики процессов духовной жизни.

Ключевые слова:

«Братья Карамазовы», православие, перевод.

Key words:

«The Brothers Karamazov», Orthodox Christianity, translation.

В современной научной парадигме гуманитарного знания все большую актуальность приобретают вопросы культурной самобытности и межкультурного взаимодействия. Художественный перевод является той сферой, где происходит встреча двух культур, двух менталитетов, двух картин мира, и поэтому предоставляет богатые возможности для изучения межкультурного диалога на глубинном уровне. Шедевры национальной литературы несут уникальную информацию о ценностях и идеалах культуры, об особенностях мировидения народа в преломлении авторского замысла. От переводчика таких произведений требуется особая тонкость прочтения оригинала и высокая культура работы со словом.

Притягательность Ф.М. Достоевского для иностранного читателя во многом обусловлена, с одной стороны, универсальным характером поднимаемых в его творчестве нравственно-философских проблем, и, с другой стороны, присутствием в его произведениях всепроникающей стихии русского духа и русского сознания. В контексте межкультурной коммуникации религиозная составляющая идейно-аксиологического потенциала романа «Братья Карамазовы» представляет собой уникальное соединение всечеловеческого и специфически национального. Проблемы передачи православной содержательной линии романа в переводе до сих пор изучались чрезвычайно мало. Предметом исследования настоящей работы является воссоздание особенностей авторской концепции православной веры в четырех переводах романа на немецкий язык. Переводы были выполнены Е.К. Разин (псевдоним Элизабет Кэррик) (1906 г.), Германом Рёлем (1924 г.), Хансом Руоффом и Рихардом Хоффманном (1958 г.) и Светланой Гайер, украинкой по происхождению (2003 г.). Выбор переводов определяется, прежде всего, их популярностью у немецкого читателя, о чем говорит большое количество переизданий. Каждый из переводов создавался на определенном этапе развития немецкого общества и немецкой культуры, что обусловило характер рецепции творчества Ф.М. Достоевского (Подробнее об этом см.: Кореневская О.В. Передача православно маркированной народной речи в немецких переводах романа Ф.М. Достоевского

«Братья Карамазовы» // Вестник Томского государственного университета. № 341. Декабрь, 2010. С. 16–19).

Роман «Братья Карамазовы» стал выражением сокровенных мыслей и чаяний Достоевского о судьбе православной веры и роли русского народа в мировой духовной истории. Русский народ, как известно, воплощал для писателя самые драгоценные качества – доброту, подлинную веру в Бога, смирение – и таил в себе уникальный потенциал будущего нравственного преображения всего человечества. При этом, рисуя картины грядущего Царства Божия на всей земле и великую силу народного духа, Достоевский никогда не упускал из виду человека, живого носителя истинной веры, и возлагал свои надежды на его искреннее и стремящееся к правде Божией сердце. Писателю было важно показать не столько отвлеченный идеал мироустройства согласно христианским принципам и ценностям, сколько возможность достижения каждым человеком веры, истинной любви к ближнему и к миру. Ключ к пониманию этой идеи следует искать в авторской концепции человека.

В представлении Ф.М. Достоевского человек является неотъемлемой частью непрерывного жизненного процесса, подчиняющегося общему высшему закону. Показателен эпизод из юности старца Зосимы – его встреча с молодым крестьянином. Их беседа проникнута преклонением перед величием и умиротворенностью природы, красотой и тайной Божьего мира и присутствием духа во всех живых существах: «все тихо, благолепно, все богу молится <...> все создание и вся тварь, каждый листик устремляется к слову, богу славу поет» [1. Т. 14. С. 267–268]. Для Ф.М. Достоевского ценно естественное и смиренное принятие Божией правды, свойственное всему живому: «Всякая-то травка, всякая-то букашка, муравей, пчелка золотая, все-то до изумления знают путь свой, не имея ума, тайну божью свидетельствуют, беспрерывно совершают ее сами» [1. Т. 14. С. 267]. И лишь человек выбивается из общей гармонии, если, руководствуясь лишь собственным рассудком, не признает над собой высшей силы. Именно поэтому автор осуждает Ивана Карамазова, который, отвергая Бога и его правду, заходит в тупик в своих идейных исканиях и сталкивается с чертом – гиперболизированным воплощением собственного рассудочного начала. Таким образом, способность жить и действовать, подчиняясь не разуму, а душе, которая связана «невидимыми нитями» с «миром горним и высшим» и поэтому естественно чувствует правду Божию, становится у писателя одним из важных критериев оценки нравственного облика человека.

Представление Ф.М. Достоевского о мире как о храме Божием и о человеке как о части всеобщего жизненного процесса объясняет специфику авторской художественной концепции обретения веры. В своих героях ему особенно дороги были моменты интенсивного переживания встречи с божественным. Подобные эпизоды играют кульминационную роль в развитии внутреннего сюжета многих произведений писателя. Поведение героя в минуты сильнейшего духовного напряжения отличается своего рода «стихийностью», неконтролируемостью, безотчетностью, словно он подчиняется некой высшей силе. Эти фрагменты ярко иллюстрируют реализацию содержательно многогранного и ключевого в психологическом портрете героев Достоевского концепта «стихия». Интересно отметить, что часто это понятие применяется как синоним «карамазовщины» и, соответственно, приобретает негативную оценочную окраску.

Действительно, в тексте романа и в особенности во фрагментах, связанных с сюжетной линией Дмитрия, можно обнаружить целый ряд лексем, входящих в смысловое поле данного концепта: «восторг», «исступление», «сила», «сладострасть», «плен», «жажда», «страсть», «оргия», «разгул», «бездна», «разврат», «кутеж», «погром», «бред», «буря», «безудерж» и т. п. В отношении же героев православного начала «стихия» приобретает совершенно иную окраску, ассоциируясь со смирением, благодарным принятием слова Божия. Ее словесная репрезентация не так разнообразна, как в аспекте «карамазовщины», и фокусируется на двух из вышеприведенных слов: «восторг» и «исступление». И если первое, как правило, описывает сильное эмоциональное возбуждение и обладает яркой положительной коннотацией, то второе связано, в первую очередь, с поведением «на грани» рассудка и может варьироваться по сопутствующей эмоциональной окраске от гневного до духовно просветленного. Кроме того, в эпизодах православной сюжетной линии

Достоевский часто наделяет эту духовную «стихию» особым ореолом таинственности, что проявляется в частом употреблении единиц со значением неопределенности.

Принципиально важно проанализировать передачу этих особенностей в немецких переводах романа и выяснить, насколько глубоко переводчики, носители иной религиозной картины мира, понимают национальную специфику православной веры в изображении Ф.М. Достоевского. Методика исследования заключается в выделении в тексте романа сцен, связанных с изображением духовного опыта героев, и применении концепта «стихия» к анализу лексической и синтаксической структуры предложений. Выборка фрагментов для анализа переводов производилась по доминантным признакам высказываний – важной функциональной роли категории неопределенности и наличию слов, характеризующих эмоциональное состояние героя («умиление», «восторг», «исступление»). Было проанализировано около 30 фрагментов, репрезентирующих особенности духовной жизни человека в соответствии с авторской установкой на трансляцию православных ценностей. В данной статье представлены наиболее показательные примеры.

Старец Зосима в своих беседах и проповедях призывает к восторгу и исступлению духовной любви:

<i>всех люби, все люби, ищи восторга и исступления сего <...> Исступления же сего не стыдись [1. Т. 14. С. 292]</i>	
Rahsin <i>подстрочник</i>	liebe alle, liebe alles, suche das Entzücken und die Ekstase der Liebe <...> schäme dich nicht dieser Überschwänglichkeit [2. S. 528] <i>люби всех, люби все, ищи восторга и экстаза/восторга любви <...> не стыдись этой переполненности</i>
Röhl <i>подстрочник</i>	Liebe alle Menschen! Liebe alles, trachte nach dieser grenzenlos begeisterten Verzückung.<...> Schäme dich dieser Verzückung nicht [3] <i>люби всех людей! Люби все, стремись к этому безграничному воодушевленному восторгу <...> Не стыдись этого восторга</i>
Ruoff und Hoffmann <i>подстрочник</i>	liebe alle, liebe alles, trachte nach dieser Wonne und Verzückung <...> Schäme dich dieser Verzückung nicht [4. S. 434] <i>люби всех, люби все, стремись к этому блаженству и восторгу <...> Не стыдись этого восторга</i>
Geier <i>подстрочник</i>	liebe alle, liebe alles, suche die Begeisterung und die Verzückung <...> Schäme dich nicht dieser Verzückung [5. S. 520] <i>люби всех, люби все, ищи воодушевления и восторга <...> Не стыдись этого восторга</i>

Е.К. Разин варьирует синонимичные варианты перевода указанных слов и, таким образом, не сохраняет единство лексической цепочки. Г. Рёль предлагает описательный перевод и тем самым объединяет два понятия – «восторг» и «исступление» – в одно, несколько снижая эффект повторяемости этих значимых слов. Отметим вариант «Begeisterung» у С. Гайер (и соответствующее прилагательное в переводе Г. Рёля): корень слова «geist» («дух») позволяет донести коннотации духовного порядка. Кроме того, внутренняя форма слова (приставка «be-») говорит о широте, наполненности (души) воодушевлением, в то время как вариант «Verzückung» передает лишь быстроту перехода в восторженное состояние.

Интересно проанализировать следующий фрагмент, связанный с первым духовным опытом молодого Зосимы:

<i>помню, как в первый раз посетило меня некоторое проникновение духовное [1. Т. 14. С. 264]</i>	
Rahsin <i>подстрочник</i>	hatte ich ein geistiges Erlebnis [2. S. 474] <i>было у меня духовное переживание</i>
Röhl <i>подстрочник</i>	Ich erinnere mich, wie mich zum erstenmal eine tiefe Ergriffenheit überkam [3] <i>Я вспоминаю, как мной впервые овладело (некое) глубокое умиление/волнение</i>
Ruoff und Hoffmann <i>подстрочник</i>	erinnere ich mich auch, wie mir ... zum erstenmal eine geistige Erleuchtung zuteil ward [4. S. 390] <i>я также вспоминаю, как мне однажды было даровано (некое) духовное просветление</i>
Geier <i>подстрочник</i>	wurde mir, ich erinnere mich, zum ersten Mal eine geistige Erleuchtung zuteil [5. 467] <i>было даровано мне, помню я, в первый раз (некое) духовное просветление</i>

Опущение фразы «в первый раз» в переводе Е. Разин, на наш взгляд, является серьезной ошибкой, поскольку герой описывает самый первый и дорогой опыт приобщения к вере, важнейшее значение которого в жизни человека, особенно в детстве, неоднократно подчеркивается автором: сюда включаются и беседы старца из главки «О Священном Писании в жизни отца Зосимы», и речь Алеши у камня в финале романа, служащая своеобразным символом зарождения новой общности людей на основе единой веры и духовного братства. Кроме того, в первом переводе не отражена стихийная природа переживания героя, выраженная в оригинале конструкцией «посетило меня». В трех других переводах предложены адекватные средства передачи этого смысла – конструкции, где герой поставлен в пассивную позицию. Довольно сложен подбор эквивалента слову «проникновение», в котором на первый план выходит, как представляется, момент непосредственного соприкосновения с божественным, а не эмоциональное состояние героя (что актуализируется в переводе Г. Рёля). Во всех переводах даны варианты, лишь частично передающие значение этого слова.

Своеобразной микромоделью прохождения человеком пути от неверия и сомнения через перерождение к вере и воскресению является глава «Кана Галилейская». Сон Алеши рождает в его душе новое сильнейшее ощущение, которому ни автор, ни сам герой не могут дать названия. Страницы главы пронизаны чувством сближения с некой мощной силой, которая получает разнообразное описание, но непременно с неопределенной окраской:

<i><...> но зато царило в душе что-то целое, твердое, утешающее, и он сознавал это сам. [1. Т. 14. С. 325]</i>	
Rahsin <i>подстрочник</i>	In seiner Seele aber erhob sich etwas Ganzes, Festes, Tröstendes, und er wurde sich dessen immer mehr bewußt. [2. S. 587] <i>Но в его душе поднималось что-то целое, твердое, утешающее, и он все больше осознавал это</i>
Röhl <i>подстрочник</i>	aber dafür fühlte er sich innerlich gefestigt und getröstet, und dessen war er sich selbst wohl bewußt [3] <i>но зато он чувствовал себя внутренне укрепленным и утешенным, и он сам хорошо это осознавал</i>
Ruoff und Hoffmann <i>подстрочник</i>	aber trotzdem herrschte in seiner Seele etwas Ganzes, Festes, Tröstendes, und er wurde sich dessen bewußt [4. S. 484] <i>но, несмотря на это, в его душе царило что-то целое, твердое, утешающее, и он осознавал это</i>
Geier <i>подстрочник</i>	In seiner Seele aber erhob sich etwas Ganzes, Festes, Tröstendes, und er wurde sich dessen immer mehr bewußt [5. S. 587] <i>Но в его душе поднималось что-то целое, твердое, утешающее, и он все больше осознавал это</i>

Все переводчики, за исключением Г. Рёля, передают эффект неопределенности. Наибольшую близость к оригиналу демонстрирует перевод Х. Руоффа и Р. Хоффманна, а Разин и Гайер делают акцент на рождении и развитии посетившего душу героя ощущения за счет

глагола «*erhob sich*» («поднималось») и фразы «*immer mehr*» («все больше»), что, с нашей точки зрения, соответствует общему замыслу.

В следующем предложении важную роль также играют неопределенные местоимения и экспрессивные средства выражения эмоционального состояния героя

Что-то горело в сердце Алеши, что-то наполнило его вдруг до боли, слезы восторга рвались из души его... [1. Т. 14. С. 327]	
Rahsin <i>подстрочник</i>	Es war Aljoscha, als brenne etwas in seinem Herzen und erfülle es mit unsäglichem Schmerz. Tränen der Begeisterung lösten sich aus seiner Seele... [2. S. 591] <i>Алеше было как будто что-то горело в его сердце и наполнило его невыразимой болью. Слезы восторга/воодушевления вырывались из его души...</i>
Röhl <i>подстрочник</i>	Es entbrannte etwas in Aljoschas Herzen. Sein Herz war so übertoll, daß es ihn schmerzte. Tränen der Verückung drangen aus seiner Seele [3] <i>Что-то вспыхнуло в сердце Алеши. Его сердце было так переполнено, что ему было больно. Слезы восторга пробивались из его души</i>
Ruoff und Hoffmann <i>подстрочник</i>	Aljoscha empfand ein Brennen im Herzen. Bis zum Schmerz was es auf einmal von etwas Unbestimmtem erfüllt, Tränen des Entzückens wollten sich seiner Seele entringen... [4. S. 487] <i>Алеша ощущал горение в сердце. До боли вдруг наполнилось оно чем-то неопределенным, слезы восторга хотели вырваться из его души...</i>
Geier <i>подстрочник</i>	Etwas loderte in Aljoschas Herz, etwas erfüllte ihn plötzlich schmerzhaft, Tränen der Begeisterung drängten aus der Tiefe seiner Seele herauf... [5. S. 583] <i>Что-то пылало в сердце Алеши, что-то наполнило его вдруг болезненно, слезы восторга/воодушевления пробивались наружу из глубины его души...</i>

В данном примере ярко проступает характерное для почерка Достоевского соединение антиномий: «боль», «слезы» и «восторг» сливаются в одно сильное, мощное ощущение, что подчеркивается плавностью синтаксиса и неразрывностью понятий, а повтор неопределенных местоимений усиливает эффект невыразимости этого душевного состояния. Только в переводе С. Гайер сохранено синтаксическое единство предложения, в то время как в остальных из-за его разбиения цельность эмоции теряется. Перевод Разин предполагает многократное усиление эффекта неопределенности благодаря безличной конструкции «Es war Aljoscha», снимающей с героя активную роль в данном эпизоде, сохранению местоимения «etwas», сравнительной конструкции «als brenne», уводящей от прямого наименования эмоции, а также добавлению прилагательного «unsäglichem», относящего к идее о невозможности человеческого слова выразить слово высшей правды. Похожее добавление наблюдается в переводе Х. Руоффа и Р. Хоффманна: фраза «von etwas Unbestimmtem» частично компенсирует опущение неопределенного местоимения в первом предложении. Г. Рёль допускает небольшие синтаксические модификации, смещая «etwas» в слабую позицию, что, на наш взгляд, противоречит авторскому замыслу. Лишь в переводе С. Гайер сохранены анафорическая конструкция с неопределенным местоимением и цельность всего предложения (у остальных переводчиков оно разбито на два), а в слове «Begeisterung» («восторг») прослеживается семантическое единство с вышеуказанными коннотациями духовного порядка.

В заключительных строках сцены уже уверенно звучит мощный голос обретенной героем веры, но неопределенная окраска высказывания сохраняется. Ф.М. Достоевский до конца воздерживается от наделения высшей божественной силы человеческим словом и благоговейно бережет ее тайну:

<i>Какая-то как бы идея воцарялась в уме его – и уже на всю жизнь и на веки веков. Пал он на землю слабым юношей, а встал твердым на всю жизнь бойцом и сознал и почувствовал это вдруг, в ту же минуту своего восторга</i> [1. Т. 14. С. 328]	
Rahsin <i>подстрочник</i>	...wie eine Idee sich seines Verstandes bemächtigte, und zwar für sein ganzes Leben und für alle Ewigkeit. Als schwacher Jüngling war er noch zur Erde niedergefallen, als ein für's ganze Leben gewappneter Kämpfer erhob er sich wieder – das fühlte er, und dessen wurde er sich plötzlich bewußt in diesem Augenblick seiner großen Verzückung [2. S. 592] <i>... как какая-то идея овладевала его разумом, и уже на всю его жизнь и на веки веков. Пал он на землю как слабый юноша, поднялся же как вооруженный на всю жизнь боец – он почувствовал это и вдруг осознал это в это мгновение его великого восторга</i>
Röhl <i>подстрочник</i>	Eine bestimmte Idee übernahm die Herrschaft über seinen Geist, und zwar für sein ganzes Leben und in alle Ewigkeit. Er hatte sich auf die Erde geworfen als ein schwacher Jüngling und stand auf als ein für das ganze Leben gefestigter Kämpfer – und er war sich dessen bewußt, sofort, in eben diesem Moment der Verzückung [3] <i>Некая определенная идея перенимала господство над его духом, и уже на всю его жизнь и на веки веков. Он бросился на землю как слабый юноша и встал как укрепленный на всю жизнь боец – и осознал это тотчас, в тот самый момент восторга</i>
Ruoff und Hoffmann <i>подстрочник</i>	Ihm war, als bemächtigte sich seines Geistes eine Idee – für sein ganzes Leben und für alle Ewigkeit. Als schwacher Jüngling war er zur Erde niedergefallen, als ein für sein ganzes Leben gefestigter Kämpfer stand er auf und wurde sich dessen bewußt und fühlte es plötzlich in diesem Augenblick seines Entzückens [4. S. 488] <i>С ним было так, как будто его духом завладевала какая-то идея – на всю его жизнь и на веки веков. Как слабый юноша пал он на землю, встал же, как укрепленный на всю жизнь боец, и осознал это, и почувствовал это вдруг в это мгновение своего восторга</i>
Geier <i>подстрочник</i>	Wie wenn eine neue Idee sich seines Geistes bemächtigt hätte – und zwar für das ganze Leben, in alle Ewigkeit. Als schwacher Jüngling war er auf die Erde gestürzt und erhob sich, als ein fürs ganze Leben gehärteter Kämpfer, er fühlte es und war sich dessen plötzlich bewußt, schon in diesem Augenblick seiner Begeisterung [5. S. 584] <i>Как будто какая-то новая идея завладела его духом – и уже на всю жизнь, на веки веков. Как слабый юноша повергся он на землю и поднялся как закаленный на всю жизнь боец, он почувствовал это и осознал это вдруг, уже в это мгновение своего восторга/воодушевления</i>

Отметим, что все переводчики, кроме Е. Разин, заменяют «ум» на «дух» (это основное значение слова «Geist»), однозначно интерпретируя переживания героя как феномены религиозной природы, а также адекватно передают неопределенную окраску при слове «идея». С. Гайер также придерживается намеченной линии передачи слова «восторг» со смысловым компонентом духовности («Begeisterung»). В целом же во всех переводах наблюдается семантическая и синтаксическая близость оригиналу.

Приведенные примеры, в особенности отрывки из главы «Кана Галилейская», позволили выявить еще одну чрезвычайно важную особенность авторской концепции стихийности. В противоположность стихии карамазовского разгула, всегда граничащей с безрассудством и эмоциональной несдержанностью, в контексте православной веры почти всегда наблюдается гармоничное сочетание стихийности и сознания. Автор не случайно подчеркивает осознание героем своего духовного опыта: здесь часты слова «осознал», «сознал», «помню» и т. п. По мысли Ф.М. Достоевского, духовное не противоречит разумному и не исключает его, но только духовное просветление восстановит гармонию ума и сердца, потерянную в плену карамазовских страстей.

Рассмотренные фрагменты убедительно показали важную функциональную роль неопределенной окраски высказывания в контекстах, относящих к представлению автора о стихии православной веры. Анализ немецких переводов продемонстрировал, что в целом переводчики внимательны к семантическим оттенкам оригинала в данных фрагментах, прежде всего, при передаче эффекта невыразимости процессов духовной жизни. Наибольшей точностью воссоздания авторской концепции отличается поздний перевод, выполненный С. Гайер, родственно связанной с русской культурой, что можно объяснить спецификой современной переводческой парадигмы,

характеризующейся пристальным интересом к проблемам национального своеобразия, а также общим контекстом религиозного возрождения России в конце XX – начале XXI вв.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений в 30-ти томах. – Л.: Наука, 1976.
2. Dostojewski F.M. Die Brüder Karamasoff / Aus dem Russischen von E.K. Rahsin. – München, Zürich: Piper Verlag, 2002. – 1331 S.
3. Fjodor M. Dostojewski «Die Brüder Karamasow». Roman. Aus dem Russischen von Hermann Röhl. Projekt Gutenberg. URL: [http://gutenberg.spiegel.de/?id= 5&xid=455&kapitel=1#gb_found](http://gutenberg.spiegel.de/?id=5&xid=455&kapitel=1#gb_found) (дата обращения: 28.10.2008).
4. Dostojewski F.M. Die Brüder Karamasow / Aus dem Russischen von H. Ruoff und R. Hoffmann. – Düsseldorf: Albatros Verlag, 2004. – 1031 S.
5. Dostojewski F.M. Die Brüder Karamasow / Aus dem Russischen von S. Geier. – Frankfurt am Main: Fischer Taschenbuch Verlag GmbH, 2006. – 1279 S.

Поступила 14.11.2011 г.